

СТАЛИНГРАДСКАЯ
БИТВА

**К 80-летию главного сражения
Великой Отечественной**

ЭДЕЛЬБЕРТ ХОЛЛЬ

**АГОНИЯ
СТАЛИНГРАДА**

**ОТКРОВЕНИЯ
ПАНЦЕРГРЕНАДЕРА ВЕРМАХТА**

ЯУЗА

**МОСКВА
2023**

УДК 94(47+57)''1942/43''
ББК 63.3(2)622.12
Х72

Холль, Эдельберт.
Х72 Агония Сталинграда. Откровения панцергренадера Вермахта / Эдельберт Холль ; перевод с немецкого А. Б. Кияйкина. — 6-е издание. — Москва : Яуза-пресс, 2023. — 256 с. — (Сталинградская битва. К 80-летию главного сражения Великой Отечественной).

ISBN 978-5-9955-1151-9

Решающее сражение Великой Отечественной и Второй мировой войны глазами командира роты вермахта. Гитлеровские панцергренадеры в огненном и ледяном аду Сталинграда. Мучительная агония 6-й армии Паулюса, истекающей кровью и подыхающей от голода в Сталинградском «котле».

УДК 94(47+57)''1942/43''
ББК 63.3(2)622.12

ISBN 978-5-9955-1151-9

© Кияйкин А.Б., перевод с немецкого,
2023
© ООО «Яуза-пресс», 2023

Глава 1

БИТВА ЗА УСТЬЕ ЦАРИЦЫ

От женской тюрьмы ГПУ до берегов Волги за три дня

23 сентября 1942 г.

— Лейтенант Холль прибыл из отпуска по ранению! — Я стоял перед батальонным командиром, доктором Циммерманом.

— Господи, Холль, вас мне сам бог послал!

Я с удивлением взглянул в усталое вытянутое лицо моего майора.

— Должен вам сказать, — продолжал он, — в списке потерь последних дней — все ротные командиры. Ваш преемник, обер-лейтенант Менхерт; лейтенант Янке из пятой роты потерял правую руку в атаке на Сталинград-Южный, рубка была еще та, и пока что 8-ю роту принял обер-фельдфебель Якобс. Теперь у меня есть хотя бы вы и мой адъютант, лейтенант Шюллер.

Этот высокий худой человек — который годился мне в отцы — сидел, согнувшись над котелком, и серьезно смотрел на меня. Пламя свечи отражалось в стеклах очков.

Лейтенант Эдельберт Холль
в 1941 г.

— Мы каждый день ждем пополнений, потому что они отчаянно нужны; наверное, они уже на подходе.

8 июля мы оставили зимние позиции у реки Донец рядом с Нырково, чтобы принять участие в летнем наступлении. Атака на Бастион, где в апреле вас ранило, с самого начала стоила нам больших потерь. Лейтенант Ридель из 5-й роты — убит, его сменил лейтенант Янке; лейтенант Мадер из 6-й роты — убит, его

сменил лейтенант Кремер. Мы прошли через Ворошиловград в общем направлении на юго-восток к Кавказу. Перейдя Дон, мы шли по калмыцкой степи, все так же на юго-восток. Встретили серьезное сопротивление у Катышевой балки. Когда мы его сломили, пришел приказ развернуться флангом влево и идти на северо-восток к Сталинграду. На южной окраине города нам снова пришлось преодолевать сильное сопротивление. Сейчас мы в самом разгаре уличных боев.

Я огляделся внимательнее. Поскольку города я не знал, батальонный связной встретил меня на исходе дня где-то в южных пригородах. Он провел меня в это трехэтажное каменное здание, проводив на КП батальона по настоящему лабиринту подземных ходов. Это был голый подвал без окон, с запахом сырости и плесени. Мне предстояло узнать, что все предыдущие недели помещение использовалось как женская тюрьма.

АГОНИЯ СТАЛИНГРАДА

Штаб II батальона 276-го пехотного полка был расположен
в женской тюрьме ГПУ

— Теперь расскажите, что с вами стало после ранения в Нырково.

— Мне хватит нескольких коротких фраз, герр майор. После того как меня прооперировали в Бад-Швальбахе, чтобы вынуть пулю из правого плеча, я получил отпуск для свадьбы. Мы поженились 20 июня. Потом мой отпуск кончился, и мне пришлось доложить о себе в запасном батальоне в Наумбурге-на-Заале. Там я встретил несколько товарищей из нашей дивизии, включая теперешнего командира, герра гауптмана Шольца, моего бывшего командира роты, обер-лейтенанта Ферстеру, лейтенанта Малеца и лейтенанта Ширбеля из нашего батальона и нескольких господ из других полков. Герр Малец предложил мне стать инструктором отряда истребителей танков (5 мая 1942-го Холль получил два значка «За подбитый танк противника» — за два танка, подбитых 8 августа 1941 г. из противотанкового ружья. — *Прим. ред.*), но я отклонил его предложение, потому что хотел вернуться к товарищам на фронт. Пока шло мое назначение на должность, у меня получилось еще несколько дней отдыха. 20 августа я снова был в Наумбурге и получил направление в 134-ю пехотную дивизию, развернутую в центральном секторе в районе Орла. Несмотря на теплый прием, оказанный командованием и солдатами, мне было невесело. Они не были моими старыми товарищами. У себя я знал каждого рядового в батальоне. А здесь я чувствовал себя как рыба, вынутая из воды. То, что я был назначен офицером пехотного прикрытия к командиру XXXXI танкового корпуса, генералу танковых войск Харпе, ничего не меняло. Под предлогом того, что меня беспокоит рана, я попросил генерала Харпе отправить меня домой до выздоровления. Вот командировочное предписание. Дорога в родную часть заняла 8 дней.

Майор ухмыльнулся:

— Так это все было сплошным притворством?

— Так точно, герр майор!

— Переночевать можете здесь, на командном пункте, а завтра принимайте свою старую седьмую роту. Тогда же прибудет лейтенант Шюллер; он направляется в роты на переднем крае, чтобы посмотреть, все ли там в порядке. Шюллер введет вас в курс дела насчет положения на передовой. А как у вас дела дома? Как жена и родители?

— Прекрасно, герр майор. Они, естественно, все были счастливы, особенно когда я быстро оправился от раны — все 8 недель за мной всячески ухаживали.

— Рад за вас, Холль. Кто знает, сколько вам еще придется ждать отпуска. А вот и лейтенант Шюллер.

Я обернулся и увидел располагающее лицо моего друга Иоахима Шюллера. Он тоже узнал меня с первого взгляда. Его лицо просветлело.

— Надо же, Альберт, хорошо, что ты вернулся. Ты прямо из дома?

Мы стиснули друг другу руки, поглядели друг на друга и обнялись.

— Нет, Йохен, я из-под Орла в центральном секторе. Остальное тебе расскажет командир. Как дела на фронте? Его глаза посерьезнели.

— Сейчас на фронте тихо, но отчаянно нужно пополнение, последние дни были особенно жестоки и к людям, и к лошадям. С начала наступления от Нырково после зимней паузы у нас были значительные потери. Хельмут Ридель убит, Франц Мадер ранен, лошадь Зигфрида Пёнигга наступила на мину, погибли и всадник, и лошадь, и сейчас, перед Сталинградом-Южным, ра-

Лейтенант Ганс-Иоахим
(Йохен) Шюллер,
адъютант II батальона
276-го пехотного полка

нен твой преемник в седьмой роте, обер-лейтенант Менхерт. Ханс Янке, принявший 5-ю роту после смерти нашего друга Риделя, потерял правую руку. У рядовых — не лучше; многие старые бойцы погибли или ранены. Самое время для пополнений.

Я вернулся от встречи с другом к грубой реальности. Всего полгода назад батальон имел хорошо сбалансированную структуру управления — командиром был гауптман доктор Циммерман, адъютант — лейтенант Шюллер, компанифюрер (временный командир роты). — *Прим.*

ред.) 5-й роты — лейтенант Ридель, компанифюрер 6-й роты — лейтенант Мадер, компанифюрер 8-й роты — лейтенант Вайнгертнер, доктор Щепански — батальонный врач и оберцальмейстер Кнопф отвечал за снабжение. Мы узнали друг друга во время формирования дивизии, в сентябре 1939 г., на войсковом полигоне в Кенигсбрюке под Дрезденом. А сейчас, всего три года спустя, нас осталось так мало.

— Пошли, ты можешь лечь вот здесь, а завтра с утра я сразу отведу тебя в твою роту.

— Спасибо, Йохен, я устал как собака. — Я лег на шерстяное одеяло, сделал себе «подушку» из походного ранца и попытался заснуть. В полусне я слушал, как

наш командир разговаривает с полком по полевому телефону. Снаружи в подвал проникал приглушенный звук разрывов световых бомб, и жужжание «швейной машинки» — так мы называли русские самолеты У-2 (По-2) — говорило о том, что я вернулся в родную часть.

24 сентября 1942 г.

В штаб. ЛИАК: 06.10 24 сентября 1942 г.

За ночь 23/24.9. тяжелые бомбовые налеты на городской сектор, а также артиллерийский и ракетный обстрел, но никаких боевых действий...

Меня разбудил толчок в плечо: «Герр лейтенант, герр майор просил вас разбудить».

Я прыжком поднялся на ноги. Быстрое «умывание по-кошачьи», форма приведена в порядок — и я стою перед командиром.

— Лейтенант Холль явился по вашему приказанию!

— Спасибо, Холль. Хорошо ли спалось?

— Так точно, герр майор, можно сказать, хорошо.

— Тогда начнем. Посмотрите на карту. Нам приказали продвинуться до Волги по обоим берегам Царицы — вот она, течет в Волгу и впадает в нее в километре отсюда. Противник устроился в развалинах и ведет упорное сопротивление. Мы наступаем в лоб. Вчера в этой точке наши пионеры (саперы. — *Прим. пер.*) на южном фланге противника пытались выкурить его огнеметами, пока не стемнело, — но их отбросили с большими потерями. Ваш сосед справа — на этом берегу Царицы — третий батальон гауптмана Ритгнера. Левый сосед — батальон разведки 71-й пехотной дивизии. Граница с левым соседом проходит по этой улице, которая идет более-менее прямо в сторону Волги. Вам отдадут остатки 5-й и 6-й рот, а

также 8-ю роту, которой сейчас командует обер-фельдфебель Якобс. Мы позавчера получили пополнение из учебно-запасного батальона, в основном 18–19-летних судетских немцев без фронтовой закалки. Вот-вот должны прибыть офицеры. Мне еще нужно получить точное время начала атаки из штаба полка, но, думаю, это будет 06.00. Вопросы?

— Нет, герр майор. Рад, что здесь гауптман Риттнер, так что не придется беспокоиться о соседе справа.

— Да, Холль, Риттнер на фронте надежен, как скала. За успешное командование батальоном его представили к Рыцарскому кресту.

— Рад за него. На карте Сталинград выглядит лучше. Положение похоже на мой родной город Дуйсбург. Оба лежат на реке, оба вытянуты с севера на юг на 30 километров и с запада на восток на 8–10 километров. Только мой родной город лежит на восточном берегу Рейна, а Сталинград — на западном берегу Волги.

— Ну, вам пора идти. Ваш связной Марек проводит вас на командный пункт. Берегите себя, и удачи.

Я отдал честь и вышел. Обер-ефрейтор Марек уже ждал в прихожей. Я его знал с тех пор, как принял роту. Он был из Верхней Силезии, у него там была небольшая ферма — а сам он был воплощенная надежность. Я был рад снова увидеть его честное лицо.

— Ну, Марек, старая каналья, как дела? — я протянул ему руку.

— Хорошо, герр лейтенант. Мне пока чертовски везет!

— Был в отпуске?

— Нет, герр лейтенант, последний раз — еще во Франции.

АГОНИЯ СТАЛИНГРАДА

На обеих фотографиях: разрушенные дома на Краснознаменной улице,
известной у немцев как «Ления»

— Тогда это черт знает как давно!

— Ну да, но я не женат, и пришлось несколько раз уступить его женатым товарищам.

— Когда закончится эта заваруха, придет и твоя очередь. Я прослежу.

Пока мы болтали, Марек вывел меня наружу по лабиринту коридоров под бывшей женской тюрьмой. Через улицу, параллельно, почти точно совпадая с линией север—юг, шла линия железной дороги. Мы повернули на восток и пошли в сторону будущего наступления к Волге. Временами слышался автоматный и ружейный огонь. Он доносился слева, из центра города. Над слегка светящимся горизонтом виднелись развалины каменных зданий, молчаливые и мрачные. Промежуток между ними — мешанина обугленных бревен — еще дымился. Метров через сто Марек ввел меня в подвал частично выгоревшего блокауза. Я был на командном пункте роты. Он располагался в яме в подвале, перед которым темнели остатки кирпичной стены, с которой можно было наблюдать за противником. Когда я вошел, слабый свет гинденбурговой лампы («парафиновая плошка», или «тепловая свечка». — *Прим. пер.*) позволял лишь слегка различать обстановку. Темная фигура вытянулась и доложила: «Командный пункт 7-й роты. Фельдфебель Гроссман с тремя связными рад снова видеть вас в роте, герр лейтенант».

Я взволнованно взглянул в глаза испытанных друзей. По небритым лицам, черным от сажи, читалось напряжение последних недель. Они были искренне рады видеть меня. Слов не хватало — их заменило рукопожатие.

— Спасибо, Гроссман, вольно. Доброе утро, камера-ден!

— Доброе утро, герр лейтенант!

— Марек, пока остаешься здесь. Гроссман, покажи мне, где здесь что, у нас приказ атаковать через два часа. Марек, приведи командиров 5, 6 и 8-й рот и скажи, что приказом командира батальона сегодня они подчиняются мне. Ты знаешь, где у них КП?

— Так точно, герр лейтенант, здесь все сидят друг у друга на головах.

Когда Марек рысцой убежал, фельдфебель Гроссман показал мне, где мы находимся, на захваченной карте Сталинграда. Оторвав глаза от карты, я взглянул в озорные глаза унтер-офицера; у него висел Железный крест первого класса. Мои глаза широко раскрылись от удивления:

— Ничего себе, Павеллек! Юшко, ты — унтер-офицер и у тебя Железный крест первого класса! Как тебе удалось?

За него ответил фельдфебель Гроссман:

— Три дня назад Павеллек с легким минометом вывел из строя батарею «ратш-бумов» (советская 76-мм пушка. — *Прим. ред.*) и был повышен в унтер-офицеры и представлен к Железному кресту первого класса.

— Фантастика! Юшко, ты должен мне об этом рассказать.

— Ну что тут рассказать, герр лейтенант, мы пробивались через южную часть города, и я увидел целую батарею, четыре пушки, которые выкатывали на позицию прямо на перекрестке. Ну, я установил миномет за стеной, одна нога здесь, другая там — и второй выстрел дал прямое попадание, а дальше уже просто домолачивал. 20—30 минут, как дождик — как вы делали под Каневом на Днепре, когда «Иваны» (немецкое прозвище советских солдат. Подобно тому, как немецких солдат называли

«фрицами» или британских «томми». — *Прим. ред.*) подошли на 40 метров по пшеничному полю, и вы дали им из легкого миномета отпущение грехов. Я ничего не забыл.

Я вернулся в мыслях в Оберлаузиц и во Францию, где я обучал этих грубых, но честных людей из Верхней Силезии владеть оружием пехоты. Иногда они втихомолку ругали меня, но знали, что я так же требователен к себе, как и к ним. В конце концов, я показал им все, что было на самом деле нужно. При этом я просто передал им то, что вложили в меня инструкторы рейхсвера. А они были родом в основном из Силезии и Восточной Пруссии.

— И что потом?

— Ну, весь батальон рванулся вперед; из-за моего благословения сверху «Иван» почти не оказал сопротивления, и мы взяли еще один кусок этого чертова города.

Я обернулся к фельдфебелю Гроссману. Он был в моей седьмой роте с тех пор, как у Канева год назад в августе (1941 г.) первый батальон был полностью обескровлен (в том бою батальон лишился практически всех офицеров. Командир батальона майор фон Хейдбранд унд дер Лаза и его адъютант, лейтенант Вилль, ранены. Командир 1-й роты, обер-лейтенант Ханн, убит шрапнельной пулей в голову; командир 2-й роты, гауптман Бёге, ранен, взят в плен и вскоре погиб; командира 3-й роты, обер-лейтенанта Майнхарта, постигла та же участь. Командир 4-й роты, обер-лейтенант Риттнер, принял командование батальоном до его расформирования. — *Прим. зарубежного издателя*), и остатки распределили между 2-м и 3-м батальонами. Он был родом из Мекленберга и был высок, худощав, белокур и голубоглаз — архетип викинга. Его надежность была неве-

роятной. Выговор у него был северогерманский. В речи отчетливо слышалось острое «с», непохожее на четкое, раскатистое верхнесилезское «р» у остальных.

— Ну-ка, Гроссман, что тут происходило с моего ранения 19 апреля у Нырково? Только, пожалуйста, вкратце.

— Как вы теперь знаете, мы были назначены к атаке на Бастион 8 июля. После вас командиром стал обер-лейтенант Менхерт. Его ранили вскоре после того, как мы дошли до городской черты у Сталинграда-Южного. Это было 10 дней назад. С тех пор ротой командовал я. Лобовая атака на Бастион («Бастион» — господствующая высота 234,6, к северу от Нырково, на которой были советские наблюдательные посты. Необходимым условием наступления немецкой 94-й пехотной дивизии 9 июля 1942 г. был захват «Бастиона». 276-й пехотный полк начал атаку высоты 8 июля и после тяжелого боя захватил и удерживал против мощных советских контратак. Имея контроль над высотой, немцы начали основную атаку по плану. — *Прим. ред.*) у Нырково нам дорого обошлась. Там убили лейтенанта Риделя. Весь Южный фронт кипел, как котел. Для нас все это означало в основном марш — а потом еще марш. Мы с трудом поспевали за моторизованными частями. Через Ворошиловград и Калач, общим направлением на юго-восток в калмыцкую степь, но там дивизию повернули на восток, и мы вломились в Сталинград с юга. Лейтенант Янке, сменивший лейтенанта Риделя в 5-й роте, потерял руку вскоре после того, как мы дошли до черты города; лейтенант Пёнигк наехал на мину под Ворошиловградом и погиб. От старого состава мало кто остался. Теперь, после вашего прибытия, в роте: 1 офицер, 2 фельдфебеля, 2 унтер-офицера и 39 рядовых,

всего 44 человека. Фельдфебель Купал тут недалеко, командует взводом. Тремя отделениями командуют унтер-офицер Роттер, обер-ефрейтор Диттнер и обер-ефрейтор Ковальски. Унтер-офицер Павеллек — командир отделения управления и мастер на все руки.

Самодельная дверь распахнулась наружу. Войдя, солдат вытянулся по стойке «смирно»:

— Обер-фельдфебель Якобс явился по вашему приказанию!

— Спасибо, друг мой, рад тебя видеть. — Мы пожали друг другу руки. Только тот, кто сражается в жесточайшем бою, безоговорочно полагаясь на своих товарищей, как мы полагались на обер-фельдфебеля Якобса и его взвод тяжелых минометов, поймет мимолетное, но чистосердечное чувство, проявленное в этом приветствии. То, что в надвигающейся атаке участвуют и эти опытные бойцы, внушало надежду. Гроссман и Якобс выглядели как братья, и Якобс тоже был родом из Северной Германии.

Теперь я ждал появления старого друга Ули Вайнгертнера, который командовал 5-й ротой с ранения лейтенанта Янке. Вайнгертнер пришел к нам из 14-й роты истребителей танков. Он застал молодым добровольцем конец Первой мировой войны. Он был старшим из наших товарищей. У него было время для каждого, он был абсолютно надежен, и все любили его. Было для него место и в моем сердце, несмотря на всю нашу разницу в возрасте. Прошло всего несколько минут до появления Ули.

— Гутен морген, господа!

Увидев меня, он просиял:

— Господи, Берт, как хорошо снова тебя видеть! Я уже слышал о твоём прибытии и был рад, что в батальон вернулся один из «стариков». — Мы крепко пожали друг другу руки. Можно было почувствовать незримое присутствие павших друзей и тех, кто был ещё жив, когда меня ранили в апреле, и кого уже не было с нами. Безмолвная скорбь легла на нас с этим рукопожатием.

— Ну, мой дорогой Ули, о том, что случилось за эти месяцы, ты можешь рассказать и потом. Пока не пришел лейтенант Фукс, доложи мне о том, что делается на фронте.

— Да, мой добрый друг, в последние дни было чертовски трудно, и они нам дорого обошлись. Русских взял враг удар наших танковых и моторизованных частей, которые составили так называемую блокирующую позицию к северу от города, чтобы отбивать атаки с севера, пока следовавшие за ними части не подошли, чтобы взять город. Такая же реакция была, когда мы пробились из калмыцкой степи в южную часть Сталинграда. Лейтенант Янке успел до ранения увидеть город, и я принял у него роту. Самые тяжелые бои шли вокруг элеватора. За другие кирпичные и бетонные здания «Иваны» буквально держались зубами. Это для нас совершенно новый вид боя. Приходится ждать огня из любой дыры или пролома. Эти парни вылезали даже из-под земли. Они освоились в канализации — неожиданно поднимают крышку, стреляют в тебя сзади, несколько солдат уже мертвы или ранены, и потом исчезают как призраки. Никто ничего не видит. Полная неожиданность. Мы устали и стреляем во все, что движется. Высокую цену нам пришлось заплатить своей кровью!

Я посмотрел на часы. Было 04.45. Скоро нам сообщат, когда начать атаку. Тем временем прибыл лейте-

нант Фукс. Он командовал 6-й ротой, или, более точно, ее остатками, поскольку, в пересчете на живую силу, мы были не более чем славными командирами взводов. Мы представились друг другу, и я дал ему объяснить точное положение роты на карте (трофейном плане Сталинграда). Соответственно, я поместил свою роту на левый фланг батальона, с привязкой к правому флангу разведывательного батальона 71-й пехотной дивизии, справа от меня была 6-я рота, примыкающая к III батальону по Царице, 5-я рота стояла в резерве за 6-й ротой, а 8-я рота, с четырьмя тяжелыми минометами и четырьмя тяжелыми пулеметами, располагалась за обеими передовыми ротами.

— Господа, нам приказали взять многоэтажное здание, на карте оно находится вот здесь. Видите, оно U-образное и обе ножки направлены на нас. Вы лучше меня знаете, как сильно здесь сопротивление противника, поскольку вчера ваша атака здесь захлебнулась. Мы скоро узнаем от связного, когда начнется атака и получим ли мы поддержку артиллерии или гаубиц 13-й роты. Поскольку вам недалеко идти в свои роты, я предлагаю подождать связного.

Через дыру в стене мы пытались выглядывать на поле боя, лежащее перед нами. Начинало светать. Над целым районом саваном висел дым догорающих бревен из развалин. Тут и там ветер раздувал пламя. По всей округе странно торчали в небо печные трубы сожженных деревянных домов. Перед нами — метрах в 300 — можно было различить смутный силуэт высотного здания. Было еще недостаточно света, чтобы увидеть его в подробностях. Между ним и нами были лишь руины кирпичных стен, голые трубы и дымящиеся кучи бревен. Нуж-